

Г. К. ВАГНЕР

Повесть о рязанском епископе Василии и ее значение для ранней истории Переяслава-Рязанского

Повесть, или Сказание, об обновлении града Мурома и рязанском епископе Василии обычно помещается во второй части Жития муромского благоверного князя Константина и чад его — Михаила и Федора. Это Житие хорошо известно в литературе.¹ Е. Голубинский назвал его «не более как вымыслом»,² но В. О. Ключевский считал, что хотя Житие полно самых различных неточностей и несообразностей, но все же имеет историческую основу.³ Сходного мнения придерживался и Н. Серебрянский.⁴ Для нас важно отметить, что Сказание об обновлении града Мурома и рязанском епископе Василии представляет самостоятельный памятник, возникший, по мнению Н. Серебрянского, раньше Жития и объединенный с ним лишь внешним образом.⁵

Известны самостоятельные списки Сказания, восходящие к XVI в. Один из них был исследован И. Шляпкиным,⁶ впервые высказавшим мысль, что автором литературной обработки этого Сказания можно считать Ермолая Прегрешного — протопопа московской церкви Спаса на Бору.⁷ Впоследствии В. Ф. Ржига установил, что Ермолай носил в иночестве имя Еразма,⁸ перу которого еще архим. Филаретом,⁹ а затем А. Веселовским¹⁰

¹ Макарий. История русской церкви, т. II. СПб., 1857, стр. 19—20; Архим. Филарет. 1) Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Чернигов, 1865, стр. 149—158 (за май); 2) История русской церкви. Период 1. М., 1888, стр. 49—52; 3) Памятники старинной русской литературы, изд. К. Кушелева-Безбородко, в. 1. СПб., 1860, стр. 235—237; В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871 (далее: В. О. Ключевский), стр. 286—288; Е. Голубинский. История русской церкви, т. 1, первая половина тома. М., 1901 (далее: Е. Голубинский), стр. 206—207; Архим. Мисаил. Святой благоверный князь Константин Муромский и Благовещенский монастырь, где почивают мощи князя и чад его Михаила и Федора. — Труды Владимирской ученой архивной комиссии, кн. VIII. Владимир, 1906 (далее: Труды), стр. 1—130; Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915 (далее: Н. Серебрянский), стр. 237—247, и другие сочинения.

² Е. Голубинский, стр. 206.

³ В. О. Ключевский, стр. 287—288.

⁴ Н. Серебрянский, стр. 239.

⁵ Там же.

⁶ И. Шляпкин. Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Ивана Грозного. — Сборник «Сергею Федоровичу Платонову — ученики, друзья и почитатели». СПб., 1911 (далее: И. Шляпкин. Сборник), стр. 545—555.

⁷ Там же, стр. 546, 554.

⁸ В. Ф. Ржига. Кто был монах Еразм? — ИОРЯС, т. XXI, 1916, кн. 2, стр. 10—12.

⁹ Архим. Филарет. Обзор русской духовной литературы, 1. Харьков, 1859, стр. 211.

¹⁰ А. Веселовский. Новые отношения муромской легенды о Петре и Февронии и саги о Рагнаре и Лодброке. — ЖМНП, 1871, апрель, стр. 122—123.

и В. Ф. Ржигой¹¹ приписывалась известная муромская Повесть о Петре и Февронии. Некоторые исследователи¹² не согласились с принадлежностью Повести о Петре и Февронии перу Ермолая-Еразма, на основании чего считали, что и Сказание о епископе Василии написано не им. А. А. Зимин подверг критике эти скептические высказывания и подтвердил авторство Ермолая-Еразма.¹³

Ни в одной из работ, касавшихся Повести о рязанском епископе Василии, эта Повесть не рассматривалась как исторический источник. Только Н. Серебрянский обронил мысль, что Повесть посвящена перенесению епископской кафедры из Муром в Переяславль-Рязанский.¹⁴ Вероятно, такое отношение к Повести объясняется тем, что в ней, как и в Житии князя Константина, есть много противоречий. Попытаемся разобраться в этих противоречиях.

■

Сказание о епископе Василии в составе Жития князя Константина известно в трех редакциях: пространной, средней и сокращенной. Архим. Мисаил считал исходной пространную редакцию, представленную рукописью из Сборника Московской синодальной библиотеки (№ 6, лл. 39—114), и датировал ее временем «вскоре после 1552 г.»¹⁵ Н. Серебрянский считал древнейшей среднюю редакцию, известную по «Памятникам старинной русской литературы» К. Кушелева-Безбородко, относя ее ко второй половине XVI в.¹⁶ Сказание о епископе Василии с фактической стороны в обеих редакциях одинаково, поэтому можно исходить из опубликованной средней редакции.

Здесь нет необходимости подробно излагать содержание Сказания. Сущность его сводится к тому, что муромский епископ Василий, поставленный князем Юрием Ярославичем, был несправедливо обвинен вельможами и боярами Муром в несправедливой жизни. Епископ взял из Борисоглебского храма Муром местную святыню — икону богородицы и, разостлав на реке Оке свою мантию, за 6 часов был перенесен на ней против течения реки в Старую Рязань, где был радостно встречен князем Олегом и всем церковным собором. После этого рязанская епископия «нарицает же ся и до днесь Борисоглебская, одержания ради града Муром светому князю Глебу». Принесенная же епископом Василием икона богородицы «и донныне в Рязани есть». В заключении Повести автор говорит: «хотех бо распространити и не вем, како написати, понеже оттуду много лет преидоша, и аз о сем недобре свем, и боюся, да не явлюся глаголя ложь. Якоже слышах, тако и написах».¹⁷

Как видим, в опубликованных редакциях Сказания не говорится о Переяславе, а также о том, какой из рязанских епископов, носивших имя Василия, имеется в виду. Между тем на рязанской кафедре было два епископа Василия. О первом известно лишь то, что он умер в 1295 г.¹⁸

¹¹ В. Ф. Ржигой. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. — ЛЗАК, в. XXXIII (1923—1925). Л., 1926, стр. 112—147.

¹² М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии Муромских в ее отношении к русской сказке. — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 132, 215, 224; Ю. А. Яворский. К вопросу о литературной деятельности Ермолая-Еразма, писателя XVI в. — Slavia, гошник, IX. Прага, 1930—1931, стр. 279—298.

¹³ А. А. Зимин. Ермолай-Еразм и Повесть о Петре и Февронии. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 232—233.

¹⁴ Н. Серебрянский, стр. 245—246.

¹⁵ Труды, стр. 18, 25.

¹⁶ Н. Серебрянский, стр. 243, 245.

¹⁷ Памятники старинной русской литературы, в. 1, стр. 235—237.

¹⁸ ПСРЛ, т. I. СПб., 1846, стр. 208 — В Никоновской летописи указан 1294 г.

Второй поставлен в 1356 г.,¹⁹ от времени его епископства сохранились уставная грамота князя Олега Ивановича²⁰ и грамота митрополита Алексея,²¹ в которых епископ Василий награждается угодьями, а также получает епископские прерогативы на южной окраине Рязанского княжества, граничащей с сарайской епископией.

В 1609 г. в Переяславле-Рязанском при Борисоглебском соборе были «обретены мощи» епископа Василия, состоялось перенесение их в кафедральный Успенский собор,²² были составлены службы епископу (тропарь, кондак), созданы соответствующие памятники²³ и т. д., т. е. состоялась своего рода местная канонизация епископа Василия. Судя по всем дошедшим от этого времени сведениям, при установлении почитания памяти епископа Василия нигде не говорится прямо о Василии I. Это мнение сначала утвердилось лишь в официальных трудах по истории русской церкви.²⁴ Однако уже тогда вопрос казался неясным. Историк Т. Воздвиженский в одной и той же работе за основателя рязанской епископии считает то Василия I, то Василия II.²⁵ Его сын Д. Воздвиженский прямо говорит, что икона Муромской богородицы была перенесена в Рязань св. епископом Василием в 1351 г.²⁶ В другом месте тот же автор пишет: «В 1351 г. св. Василий Рязанский, епископ муромский, прибыл чудесно из Мурома в Старую Рязань».²⁷ При этом Д. Воздвиженский впервые аргументировал свое мнение тем, что в Сказании епископ Василий фигурирует как современник муромского князя Юрия Ярославича²⁸ и рязанского князя Олега Ивановича.²⁹

В 1858 г. Д. И. Иловайский первый высказал мнение, что за упоминаемого в Сказании епископа Василия следует принимать именно Василия II.³⁰ Свое мнение Д. Иловайский основывал на тех же аргументах, что и Д. Воздвиженский. К Иловайскому присоединился и автор истории русской церкви.³¹ После этого в литературе развернулась полемика. В защиту предания о Василии I выступили главным образом местные рязанские историки, ссылавшиеся на установившуюся традицию в рязанской церкви и на существование в Переяславле-Рязанском древнего епископского Борисоглебского собора, в котором якобы был похоронен Василий I. Такого мнения придерживались архим. Иероним,³² И. М. Сладкопевцев,³³

¹⁹ 6864 (1356) «того же лета преосвященный Алексей, митрополит Киевский и всея Руси, постави Василиа епископом в Рязан и в Муром» (ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, стр. 228).

²⁰ Архим. Иероним. Рязанские достопамятности. Рязань, 1889, § 67.

²¹ Там же, § 66.

²² Там же, § 133.

²³ Житие св. Василия, епископа Рязанского. М., 1875, стр. 22 и сл.

²⁴ Амвросий. История российской иерархии, ч. 1. М., 1822, стр. 130.

²⁵ Т. Воздвиженский. Историческое обозрение рязанской иерархии. М., 1820, стр. 3—6, 15, 22, 25.

²⁶ Д. Воздвиженский. Исторические и археологические достопамятности по Рязанской губернии. — Исторический, статистический и географический журнал на 1827 год, ч. II, кн. 3 (июнь). М., стр. 217.

²⁷ Там же, ч. III, кн. 1 (июль), стр. 55—56.

²⁸ Княжил с 1345 г. Изгнан из Мурома и умер в 1355 г. (ПСРЛ, т. X, стр. 227—228).

²⁹ Княжил с 1350 по 1402 г. (Д. И. Иловайский. История рязанского княжества. М., 1858, стр. 158).

³⁰ Там же, стр. 149—150.

³¹ Архим. Филарет. Рязанские иерархи. — Христианские чтения. СПб., 1859, май, стр. 355—359.

³² Архим. Иероним. Рязанские достопамятности, стр. 47—48.

³³ Голос в защиту предания о св. Василии I, епископе рязанском. — ЧОИДР, 1859, кн. 3, стр. 147 и сл. (Статья имеет подпись — «Рязанский старожил»).

архим. Макарий³⁴ автор позднего (XIX в.) Жития епископа Василия, а также И. Добролюбов,³⁵ Н. Соколов,³⁶ Д. Д. Солодовников³⁷ и некоторые другие исследователи. При этом все названные авторы считали, что «святой» Василий I и есть тот самый епископ, переходу которого из Мурома в Рязань посвящено Сказание об обновлении града Мурома.

Такое решение вопроса, конечно, не может быть принято. В XIII в. Переяславль-Рязанский был еще второстепенным городом Рязанского княжества, и, как справедливо отметил М. А. Ильин, в нем не могло быть епископского собора.³⁸ Последний находился в Рязани (Старой), которая в XIII в. продолжала быть столицей Рязанского княжества.³⁹ Наконец, при подобном подходе к вопросу, в тексте Сказания будут явные несообразности. Например, фабульная часть Повести обычно кончается на прибытии епископа Василия в Старую Рязань, а о привезенной им иконе сказано, что она «и донныне в Рязани есть». Про рязанскую епископию тоже говорится, что она «донныне называется Борисоглебской». В XVI в., когда записывалась Повесть, и даже в XV в. такие утверждения не могли быть адресованы к Старой Рязани, в которой давно уже не было ни епископии, ни муромской иконы и ни одного храма вообще.⁴⁰ Несомненно, имелась в виду Новая Рязань, т. е. Переяславль-Рязанский, на который, задолго до официального переименования его в Рязань (в конце XVIII в.), часто переносилось название старой столицы княжества.

В поисках исторических реалий Сказания мы приходим к важному событию в истории Рязанского княжества после монгольского времени, которое скорее всего должно было быть связано с епископом Василием II. Речь идет о перенесении епископской кафедры из Старой Рязани в Переяславль-Рязанский. Это перенесение, естественно, должно было состояться в связи с перемещением великокняжеского стола. Перенос столицы в Переяславль-Рязанский Д. И. Иловайский отнес к времени предшественников князя Олега Ивановича, т. е. к первой половине XIV в.⁴¹ А. Л. Монгайт считает, что это произошло в конце XIV в.⁴² Интересно отметить, что летописи, рассказывая под 1365 и 1378 гг. о нападении татар на Рязанскую землю, в первую очередь отмечают взятие и разграбление Переяславля-Рязанского, о Рязани же (Старой) умалчивают. В 1371 г. битва между войсками Олега Рязанского и Дмитрия Донского произошла у Скорнищева (Канищева), т. е. на подступах к Переяславлю со стороны

³⁴ Макарий. Сборник церковно-исторических и статистических сведений о рязанской епархии. М., 1863, стр. 210 и сл.

³⁵ И. Добролюбов. Историко-статистическое описание церквей и монастырей рязанской епархии, т. 1. Зарайск, 1884, стр. 20.

³⁶ Н. Соколов. Борисоглебская церковь в г. Рязани. Рязань, 1904, стр. 1 и сл.

³⁷ Д. Д. Солодовников. Переяславль-Рязанский. Рязань, 1922, стр. 74.

³⁸ М. А. Ильин. К изучению древнейших памятников каменного зодчества Переяславля-Рязанского. — КСИИМК, в. XL. М., 1951, стр. 80.

³⁹ М. Н. Тихомиров считает, что в XIII в. центр рязанской епископии находился в Старой Рязани (см.: М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 430). Однако продолжал сохранять свое значение и Муром, очевидно в качестве второй резиденции рязанских епископов (см. об этом ниже).

⁴⁰ Икона «муромской» богородицы издавна находилась в Переяславле-Рязанском (см.: Макарий. Сборник..., стр. 165—166). Однако памятник этот не может быть привлечен к нашей теме, так как, по исследованию И. Э. Грабаря, он оказался типичной «мерной» иконой XVII в., которой был заменен утерянный оригинал (И. Э. Грабарь. Андрей Рублев. — Вопросы реставрации, I. М., 1926, стр. 51).

⁴¹ Д. И. Иловайский. История рязанского княжества, стр. 157.

⁴² А. Л. Монгайт. Старая Рязань. — Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1955, № 49, стр. 28.

Москвы.⁴³ О времени перенесения кафедры нет никаких сведений, но логично считать, что она была перенесена в этот же период, т. е. между серединой и концом XIV в.

Епископ Василий II, поставленный в 1356 г. «в Рязань и Муром», умер не ранее 1360 г.⁴⁴ Е. Голубинский даже считал, что дату его кончины можно приблизить к 1378 г.⁴⁵ Следовательно, епископ Василий II вполне мог перенести епископскую кафедру в Переяславль-Рязанский.

В связи со сказанным приобретает большой интерес псковский список Повести о епископе Василии, упомянутый в свое время вскользь Н. Серебрянским, но полностью им не комментированный. Речь идет о рукописи, носящей название «Повесть како преиде из Мурома града епископство в богоспасаемый град Переаславль Рязанский».⁴⁶ Повесть находится в составе рукописного сборника XVII в., найденного в 1910 г. А. Ляпустиным в фондах Никандровой пустыни Порховского уезда Псковской губернии.⁴⁷ Она занимает 15 страниц сборника (№№ 404—411), написанных полууставом, переходящим в скоропись. Судя по упоминанию в Повести об уверовании в перенесенные мощи епископа Василия князя Ивана Хворостинина, бывшего рязанским воеводой в 1618—1619 гг., рукопись относится к периоду вскоре после 1619 г. Началом XVII в. датировал ее и Н. Серебрянский.⁴⁸

В первой части Повести говорится об изгнании епископа Василия из Мурома. Здесь повторяются уже известные по прежним спискам обстоятельства, с некоторым усилением отрицательных сторон муромцев. Последние не только грозят епископу, но «яко дивин зверие нападаше на нь, начаху ризы его терзати» (л. 408 об.). Особенно же интересна вторая часть Повести, начинающаяся прибытием епископа Василия в Старую Рязань. Н. Серебрянский неправильно изложил содержание этой части, считая, что епископ Василий начал жить на пустынном месте в Старой Рязани и строить здесь церковь.⁴⁹ В Повести мы читаем: «И ту мало помедлив и обглядав места того, бе бо уже град той славный разорен от безбожного царя Батыя. И паки вседе на мантию течаше божия духа благостию направляем вверх тоя же реки. И егда прииде на место то, иде же ныне град Переаславль Рязанский стоит, и ста ту, и возлюби место то зело» (л. 405 об.). Далее следует выражение удивления свершившемуся чуду, «како во един день толико расстояние дального пути преиде».

В Переяславле-Рязанском к епископу стали приходиться люди и «поведоша о нем князю места того. Князь же слышав о нем радостен быв, приемлет от него благословение» (л. 406—406 об.). Епископ Василий обращается к князю: «молю тя княже, даждь ми мало места в державе твоей, идеже церковь воздвигнути во славу божию и пречистой его матери и святым страстотерпцам Борису и Глебу; князь же обещался ему с радостью прошения его исполнити, еще же и способствовати во всем ему.

⁴³ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, стр. 381, 393, 416.

⁴⁴ Архим. Филарет. Русские святые..., стр. 149—150; см. также: Н. Барсуков. Источники русской агиографии. — ОЛДП, LXXXI. СПб., 1882, стр. 92.

⁴⁵ Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903, стр. 122.

⁴⁶ Н. Серебрянский, стр. 246.

⁴⁷ Псковские епархиальные ведомости, 1910, № 22, стр. 359. — В настоящее время этот список хранится в Научной библиотеке Псковского областного краеведческого музея, инв. № 292 (по инвентарю 1949 г.). За музейные сведения об этой Повести и за предоставленную мне фотокопию ее я глубоко благодарен Л. А. Творогову.

⁴⁸ Н. Серебрянский, стр. 246.

⁴⁹ Там же.

И глаголя святителю божию: иде же тебе бог известит, тамо себе сотвори церковь. Святый же походи и возлюби место мало повыше града, яко единопоприще отстояние, и возлюби место себе и ту начат церковь созидати. Князь же начат помогати ему. Тако же и людие места того помогающе ему» (л. 406—406 об.).

Раскаившиеся жители Мурома приходили к епископу просить прощения, «святый же поживе ту многи лета и с миром ко господу отыде. И погребен бысть у тоя же церкви за алтарем. . . Многим же летам мимошедшим бе бо ту церкви каменная от древних лет создана и той разсыпавшия, и на том месте создана бысть церковь древена» (л. 407—407 об.).

Далее повествуется о том, как святитель Василий явился «некоему мужу просту, в подгории тоя же горы живущу», и жаловался на небрежение к своей могиле, прося передать рязанскому архиепископу Феодориту, «дабы мощи мои пренесл в соборную церковь». При этом епископ Василий сказал: «аз есмь епископ первый града сего» (лл. 407 об.—408). «Архиепископ же с радостию сия слышав, возвещается сия всему причту церковному, и архимандритом и игуменом. И нарече има день, в онь же пренесение сотвори честным мощем его. И тако со всем освещенным собором пришедше, окопавше гроб его, бе бо каменн. Плите же верхней мало надломившейся, и того ради плесне святого приимаху попираия от человек же и скот бесловесны» (лл. 408 об.—409). Далее следует описание перенесения мощей, бывших от них исцелений и т. д.

Таким образом, перед нами новый и пока единственный список Повести о рязанском епископе Василии, прямо связывающий последнего с Переяславлем-Рязанским и с его древним каменным Борисоглебским собором.⁵⁰

Как видим, Псковский список текстуально не повторяет списков XVI в., а заметно уточняет сказание с добавлением сведений о Переяславле-Рязанском. Насколько сообщаемые этим списком сведения могут быть исторически верными?

Здесь следует принять во внимание следующее: 1) Псковский список Повести возник, вероятно, в связи с событиями 1609 г., когда было положено начало местной канонизации епископа Василия, т. е. от ранее известных редакций XVI в. его отделяет всего около 50 лет; 2) в условиях канонизации епископа Василия было очень удобно раз и навсегда закрепить память о Василии I и тем самым окончательно запутать вопрос; однако из Псковского списка нигде не вытекает, что речь идет о Василии I; все указывает на время жизни Василия II, что, как мы видели, совпадает с исторической вероятностью перенесения им епископии из Рязани (Старой) в Переяславль-Рязанский; 3) погребение епископа Василия у алтаря Борисоглебского храма; его каменный гроб и треснувшая верхняя плита выступают в списке как несомненные реалии, описанные очевидцем событий 1609 г.; 4) вплоть до недавнего времени здесь действительно находился надгробный памятник епископу Василию, ведущий начало от событий 1609 г., т. е. канонизации епископа Василия; 5) Повесть написана в обстоятельствах, когда вопросы исторического прошлого Переяславля-Рязанского приобрели особое значение, когда к ним обострился общий интерес, который вряд ли мог быть удовлетворен выдумкой и фантазией; 6) наконец, следует особо подчеркнуть связь псковской редакции Повести с личностью князя И. А. Хворостинина.

И. А. Хворостинин оставил очень заметный след в русской идейной жизни начала XVII в. Сначала кравчий Самозванца, затем воевода

⁵⁰ Вероятно, этим и объясняется тот факт, что епископ Василий не был канонизирован на соборе 1547 г. наряду с другими муромскими чудотворцами.

В. И. Шуйского, он в конце концов оказался в оппозиции к боярству и к православной церкви, за что неоднократно подвергался ссылке.⁵¹ И. А. Хворостинин известен как автор интересного сочинения по истории «смуты».⁵² Не вдаваясь здесь в рассмотрение деятельности «князя-летописца», «князя-еретика», скажем только, что связать с ним Повесть о епископе Василии вряд ли было возможно, если последняя представляла сплошной вымысел.⁵³

Из сказанного возникает мысль, что в основе редакций Повести XVI в. и Псковского списка начала XVII в. лежало местное сказание, вероятно XV в., а может быть и второй половины XIV в., типичное для периода борьбы за областную самостоятельность, когда областные феодальные силы возрождали местные святыни, культы «преждеотошедших святителей» и т. п.⁵⁴

Для Рязанского княжества это был очень напряженный период, начавшийся борьбой князя Олега Ивановича с Дмитрием Донским и закончившийся полным подчинением рязанских князей Москве. В этой борьбе были, конечно, мобилизованы все силы, в том числе и церковные и художественные. Подобно тому как Новгород, Тверь и Москва доказывали свой приоритет обращением к древним святыням, так и Рязань (Переяславль-Рязанский) должна была выставить аналогичные доказательства.⁵⁵ В этой обстановке благодарный материал давал сюжет перехода епископа Василия из Мурома в Рязань. До окончательного утверждения епископской кафедры в Переяславле-Рязанском центр рязанской епископии находился, по-видимому, попеременно то в Рязани (Старой), то в Муроме.⁵⁶ Во время нахождения епископов в Муроме они назывались муромскими и рязанскими, а во время нахождения их в Рязани — рязанскими и муромскими.⁵⁷ К концу XIII в. приоритет в церковных делах окончательно закрепился за Рязанью (Старой). Возможно, что сюжет изгнания епископа Василия из Мурома следует связывать с епископом Василием I,⁵⁸ который в 1294/95 г. умер и был погребен, конечно, в Рязани Старой, а не в Переяславле-Рязанском. В конце XIV или в XV в., когда слагалось Сказание о епископе Василии, в этом Сказании могли слиться воспоминания о Василии I (мотив древности рязанской епископии и ее независимости от Муромы) и данные о Василии II (мотив самостоятельности кафедры

⁵¹ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888, стр. 182 и сл.; Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли. М., 1919, стр. 262—274.

⁵² По мнению С. Ф. Платонова, это сочинение было написано И. А. Хворостининым вскоре по возвращении из Переяславля-Рязанского (С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания..., стр. 202).

⁵³ Небезынтересно в этой связи отметить, что И. А. Хворостинин состоял в дружбе с рязанским архимандритом Феодоритом, при котором происходила местная канонизация епископа Василия.

⁵⁴ Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. М.—Л., 1945, стр. 84—87.

⁵⁵ Показательно в этом отношении полное совпадение сюжетов искушения святителей бесом, путешествия их против течения реки, перенесения святынь и т. д. в Повести о епископе Василии и в новгородском сказании о первом архиепископе Иоанне. В Псковском списке епископ Василий прямо сравнивается с «Иоанном новгородским».

⁵⁶ Е. Голубинский считал, что в Муроме никогда епископии не было (Е. Голубинский. История канонизации..., стр. 122).

⁵⁷ Т. Воздвиженский. Историческое обозрение..., стр. 5 (примечание), стр. 18; Макарий. Сборник..., стр. 95.

⁵⁸ Е. Голубинский считал, что в Сказании о епископе Василии следует видеть переработку сюжета одного из очередных возвращений рязанского епископа Василия I из лаптырской поездки в Муром (Е. Голубинский. История канонизации..., стр. 122, примечание).

в Переяславле-Рязанском), что внесло в Сказание элемент путанности, но не лишает его исторической реальности. Перенесение в конце XIV в. епископской кафедры из Старой Рязани в Переяславль-Рязанский еще более усложнило Сказание и стало причиной ошибок при его записи в XVI в. Псковский же список начала XVII в. отличается большей документальностью. Окончательное разъяснение этого противоречия, как нам кажется, дает вопрос об авторстве Повести XVI в.

Ермолай-Еразм рисуется как писатель, близкий к кругу митрополита Макария. Наряду с идеей, что «священство выше царства», Ермолаю были свойственны публицистические идеи довольно демократического характера, а также глубокая неприязнь к гордости и несправедливо нажитому богатству вельмож.⁵⁹ Если вспомнить, какое место в муромо-рязанских сказаниях занимают картины противопоставления мудрого князя злокозненным вельможам, а также мотив «испытания судом Божиим»,⁶⁰ то интерес Ермолая к этим сказаниям станет понятен. Ведь некоторые свои произведения «от древних», в частности Повесть о рязанском епископе Василии, Ермолай предназначал для самого Ивана Грозного.⁶¹ Повесть о рязанском епископе Василии Ермолай записал, очевидно, в Муроме, чем и могли быть обусловлены, с одной стороны, черты ее сходства со сказанием о Петре и Февронии, а с другой — противоречия в части, касающейся Рязани. Именно с XVI в. название Рязани стало постепенно переноситься на Переяславль-Рязанский,⁶² что, естественно, могло запутать нерязанца Ермолая. Не случайно его Повесть кончается словами: «хотех бо распротранити и не вем, како написати, понеже отуду много лет преидоша, и аз о сем недобре свем, и боюся, да не явлюся глаголю ложь».

Псковский список написан несомненно рязанцем, о чем говорит отличная историческая осведомленность автора. Литературно-художественная сторона Повести не интересовала автора так, как она интересовала Ермолая; по-видимому, и литературные возможности у рязанского автора были не такие, как у Ермолая. Но зато исторические детали выступили в Повести очень выпукло. Все вместе сказанное придает ей характер исторической достоверности, не считая, конечно, обычных для подобного рода повестей обстоятельств чудесного характера.

Как литературно-исторический памятник Повесть о епископе Василии, и в частности ее Псковский список, нуждается в специальном исследовании. В настоящее время мы можем извлечь из Псковского списка весьма ценные сведения о возвышении Переяславля-Рязанского в XIV в.

Как уже отмечалось выше, Н. Серебрянский неправильно интерпретировал Псковский список. Епископ Василий обосновался и начал строить Борисоглебский храм не в Старой Рязани, а в Переяславле-Рязанском. Это можно понимать как свидетельство о перенесении епископской кафедры в Переяславль-Рязанский именно епископом Василием II. Время этого переноса и строительства епископского Борисоглебского собора определяется приблизительно концом 50-х — началом 60-х годов XIV в. на основе приведенных выше хронологических вех епископства Василия II.⁶³

⁵⁹ В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма, стр. 169—184.

⁶⁰ И. Шляпкин. Сборник, стр. 552.

⁶¹ В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма, стр. 172—173.

⁶² А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 28.

⁶³ Вероятность переноса епископской кафедры из Рязани (Старой) в Переяславль епископом Василием II не опровергается поставлением последующих епископов. Как раз тут и начинаются неясности в летописях. Бывшие после Василия II епископы Афанасий, Вассиан и Иосиф упоминаются в летописях без означения лет. Далее Феоктист упоминается только в «Истории Российской иерархии». Феогност в 1387 г. «хиротонисан на Рязань», но нельзя утверждать, что здесь имелась в виду Рязань Старая. Формула

Н. Серебрянский неправильно истолковал и данные о постройке храма епископом Василием. Епископ Василий строил не деревянный храм, будто бы позднее замененный каменным,⁶⁴ а наоборот. Таким образом, каменное зодчество началось в Переяславле не в 80-х годах XIV в., а на 20 лет ранее. Проверим это положение косвенными данными.

Каменный Борисоглебский собор Переяславля-Рязанского впервые упоминается (в грамоте 1568 г.) как «строение Ионы владыки».⁶⁵ М. А. Ильин правильно связал это известие с епископом Ионою II, бывшим в Переяславле-Рязанском с 1522 по 1547 г. Однако в 1620 г. Борисоглебский собор упоминается уже развалившимся.⁶⁶ М. А. Ильин выразил естественное удивление, что каменный собор простоял менее ста лет. Историки Рязани связывали это разрушение с набегом на Переяславль-Рязанский в 1618 г. Сагайдачного.⁶⁷ Псковский список Повести вносит новое и в этот вопрос. Список был написан, вероятно, вскоре после 1619 г., между тем в нем каменный Борисоглебский собор упомянут как давно развалившийся и замененный деревянной церковью. Следовательно, если считать, что строителем собора был епископ Иона II, то собор простоял немногим более 50 лет. Отсюда можно заключить, что епископ Иона в начале XVI в. только перестраивал или обновлял Борисоглебский собор из старого здания, относящегося, по нашим данным, ко времени епископа Василия II.

В 1389 г. в Переяславль-Рязанский заезжал на своем пути в Царьград митрополит Пимен. В повести «Хождение Пиминово в Царьград» говорится, что «пришед же митрополит в соборную церковь, и молебнаа совршив, и пирова у великого князя, и честь многу приат; и сице беспрестани чествоваше нас с своим епископом Еремеем Гречином».⁶⁸ До сих пор это место обычно цитировалось в качестве доказательства существования в Переяславле-Рязанском княжеского Успенского собора. Но правильнее считать, что московский митрополит должен был служить молебен в кафедральном, т. е. епископском, соборе города. К тому же княжеский собор к 1389 г. не был готов, так как князь Олег был похоронен в 1402 г. не в нем, а в Солотчинском монастыре.⁶⁹

Таким образом, вопрос о начале монументального строительства и о дальнейшем возвышении Переяславля-Рязанского приобретает несколько иной аспект. По приведенным нами данным, уже в 60-х годах XIV в. возник новый епископский Борисоглебский собор Переяславля, построенный на крутом берегу реки Трубежа, в «одном поприще повыше града», т. е. того места, где находился княжеский кремль.⁷⁰ Князь, как руководитель вооруженных сил княжества, мог еще некоторое время находиться попеременно то в Рязани, то в Переяславле, постепенно отдавая предпочтение последнему.

«хиротонисан во епископа на Рязань» употреблялась по традиции в 1423 г., 1473 г., 1517 г. и т. д., т. е. когда епископия была в Переяславле-Рязанском. В отношении епископа Еремеев-Грека, который явно был в 1389 г. в Переяславле, также говорится, что он «хиротонисан во епископа рязанского».

⁶⁴ Н. Серебрянский, стр. 246. — Ошибка довольно странная для Н. Серебрянского.

⁶⁵ Архим. Иероним. Рязанские достопамятности, § 110.

⁶⁶ Там же, § 140.

⁶⁷ Там же, примечание И. Добролюбова, № 455; см. также: Д. Д. Солодовников. Переяславль-Рязанский, стр. 75.

⁶⁸ ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, стр. 95.

⁶⁹ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста, стр. 455. — В Успенском соборе первым похоронен сын Олега — князь Федор (умер в 1427 г.).

⁷⁰ Это точно совпадает с положением современного Борисоглебского собора (построен в XVII в.).

Вероятно, около 1385—1387 гг., после замирения Олега Рязанского с Дмитрием Донским и брака их детей, началось строительство в Переяславле-Рязанском и княжеского Успенского собора. Остатки этого древнего памятника археологически еще очень плохо изучены. Наши представления о его первоначальном облике основаны скорее на теоретических расчетах, нежели на вещественных данных. И все же есть основания считать, что это был большой собор, типологически близкий к Успенскому собору Дмитрия Донского в Коломне и, возможно, строенный теми же мастерами.⁷¹

Архангельский собор (в Кремле) в современном своем виде представляет постройку начала XVI в., видоизмененную в XVII и XIX вв. Но в планировке памятника наблюдаются особенности, совершенно не обусловленные конструкцией XVI в. и уводящие нас в московскую архитектуру XIV в. Можно, следовательно, предполагать, что собору XVI в. действительно предшествовала более древняя постройка князя Олега.⁷² В литературе отмечалось также монументальное строительство князя Олега в Ольговом монастыре близ Рязани.⁷³

Наконец, в самом исходе XIV в., удалившись в только что основанный Солотчинский монастырь, князь Олег, по-видимому, построил здесь каменную Покровскую церковь, ставшую его усыпальницей. По некоторым поздним графическим данным, этот не дошедший до нас архитектурный памятник рисуется в виде столпообразного храма, аналогичного башенным постройкам XIV—начала XV в. в московском Кремле и Твери.⁷⁴

Следовательно, с возвышением Переяславля-Рязанского в XIV в. можно связывать гораздо больший круг памятников монументального зодчества. Если раньше это представлялось натяжкой, то сейчас, когда выясняется, что монументальное строительство в Переяславле началось в середине XIV в., это вытекает как следствие естественного хода строительства за всю вторую половину этого века.

В заключение следует сказать, что специальное историко-литературоведческое изучение Повести о рязанском епископе Василии и археологическое исследование ранних памятников монументального строительства Переяславля-Рязанского могут пролить свет на многие интересные стороны истории города периода его возвышения. Особенно это относится к епископскому Борисоглебскому собору, возникшему вдали от княжеского центра, в чем сказались отступление от старорязанских традиций. В Старой Рязани, правда, не было княжеского кремля,⁷⁵ но патрональный Борисоглебский собор был, по-видимому, и княжеской усыпальницей и местопребыванием епископской кафедры,⁷⁶ так как сама рязанская еписко-

⁷¹ Г. К. Вагнер. Рецензия на книгу М. А. Ильина (Рязань. Историко-архитектурный очерк, ч. 1. Изд. АН СССР, М., 1954). — Советская археология, М., 1958, № 3, стр. 275.

⁷² Вопросу о первоначальном виде Успенского и Архангельского соборов Переяславля-Рязанского автором посвящается отдельная работа.

⁷³ Н. Н. Воронин и В. Н. Лазарев. Искусство среднерусских княжеств XIII—XV веков. — В кн.: История русского искусства, т. III. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 16.

⁷⁴ Г. К. Вагнер. К характеристике рязанских памятников шатрового зодчества XVI в. — КСИИМК, в. 71. М., 1958, стр. 19—20.

⁷⁵ А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 196.

⁷⁶ В Чернигове, с которым до конца XII в. церковно была связана Рязань, такие же функции выполнял Спасский собор (Микола Макаренко. Чернігівський Спас. Київ, 1923, стр. 59, прим. 57), но усыпальницей черниговских архипастырей был Борисоглебский собор (А. Н. Ефимов. Черниговские кафедральные соборы, Златоверхий Спасо-Преображенский и Борисоглебский. Чернигов, 1908, стр. 54).

пия, как мы видели, еще в XVI в. называлась одновременно и Борисоглебской. Резкое топографическое разделение в Переяславле-Рязанском между епископским и княжеским центрами лишний раз говорит о том, что епископский Борисоглебский собор возник в Переяславле раньше княжеского Успенского собора, вокруг которого и сложился кремль. В дальнейшем это своеобразное «двоецентрие» в феодальной структуре Переяславля должно было способствовать быстрому ослаблению рязанского княжения в XV в.⁷⁷

⁷⁷ Интересно, что в XV в. именно рязанская церковь дала двух ярких приверженцев промосковской политики — старца Софонию и епископа (с 1448 г. московского митрополита) Иону I.